Мой дядя Состен / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Мой дядя Состен / рассказ МОЙ ДЯДЯ СОСТЕН

Полю Жинисти

Мой дядя Состен был вольнодумец, каких много на белом свете, — вольнодумец по глупости. Частенько люди бывают и религиозными по той же причине. При виде священника он приходил в необычайную ярость: показывал ему кулак, делал рожки и спешил незаметно для него дотронуться до чего-нибудь железного, — а это уже есть признак веры, веры в дурной глаз. Бессмысленные верования нужно или все принять, или все отвергнуть. Я тоже вольнодумец, иначе говоря, противник всех догматов, выдуманных из страха смерти, но я не чувствую ненависти к храмам, будь они католические, евангелические, римские, протестантские, русские, греческие, буддийские, еврейские или мусульманские. И к тому же я принимаю и объясняю все догматы по-своему. Храм — это дань неведомому. Чем дальше простирается мысль, тем больше сужаются границы неведомого, тем больше рушится верований. Я бы только заменил кадила телескопами, микроскопами и электрическими машинами. Вот и все!
Мы расходились с дядюшкой почти по всем вопросам. Он был патриот, я же — враг патриотизма, потому что это тоже своего рода религия. И к тому же это источник всех войн.

Дядюшка был франкмасон. Ну, а по мне, масоны глупее старух ханжей. Таково мое мнение, и я на нем стою. Если уж нужна какая-нибудь религия, с меня хватит и старой.
Эти дурни только подражают попам. Они всего лишь заменяют крест треугольником. У них своя церкви, которые называются ложами, и тьма различных культов: здесь и шотландский обряд, и французский, и обряд Великого Востока — уйма бредней, от которых лопнешь со смеху.
Ну, а чего они хотят? Оказывать взаимную помощь, щекоча при

этом ладони? Не вижу здесь ничего дурного. Они лишь выполняют христианский завет: «Помогайте друг другу». Единственная особенность только в щекотании. Но стоит ли проделывать столько церемоний, чтобы подать сто су бедняку? Монахи, для которых милостыня и помощь ближнему являются обязанностью и ремеслом, пишут в начале своих посланий три буквы: J. M. Y. Масоны же ставят три точки после своего имени. Одно другого стоит.

Дядюшка заявлял:

— Мы же выдвигаем религию против религии. Из свободной мысли мы куем оружие, которым будет убит клерикализм. Франкмасонство — это крепость, в которую стягиваются все те, кто хочет свергнуть богов.

Я возражал:

— Но, дорогой дядюшка (а про себя думал: «Ах ты, старый хрыч!»), вот это именно я и ставлю вам в вину. Вместо того, чтобы разрушать, вы устраиваете конкуренцию, а это лишь снижает цены, только и всего. И потом, если бы вы принимали к себе одних вольнодумцев, это еще куда ни шло, но ведь вы принимаете решительно всех. Среди вас найдется немало добрых католиков и даже главарей клерикальной партии. Пий Девятый вышел из вашей среды. Если сообщество, построенное подобным образом, вы называете крепостью, возведенной против клерикализма, то не очень-то она сильна, ваша крепость!

Тогда дядюшка, прищурив глаз, добавлял:

— Настоящая-то наша деятельность, наиболее опасная наша деятельность — в области политики. Мы медленно, но верно подрываем идею монархизма.

Тут уж я не выдерживал:

— О да, вы же такие хитрецы! Скажите мне, что масонство — фабрика предвыборных кампаний, и я соглашусь с вами; что это машина для голосования за кандидатов всех оттенков, и я не буду этого отрицать; что его единственное назначение — дурачить бедный люд, гнать его целыми отрядами к урне, как гонят в огонь солдат, — и я примкну к вашему мнению; скажите, наконец, что масонство полезно и даже необходимо для всех честолюбивых политиканов, ибо превращает каждого своего члена

в агента предвыборной кампании, — я и тут воскликну: «Ясно, как день!» Но если вы будете утверждать, что масонство подрывает идею монархизма, я рассмеюсь вам прямо в лицо.
Всмотритесь-ка хорошенько в такую огромную и таинственную демократическую ассоциацию, великим магистром которой во Франции во времена Империи был принц Наполеон, в Германии — наследный принц, в России — брат царя, ассоциацию, членами которой состоят король Гумберт, принц Уэльский и прочие коронованные головы всего света!
Тогда дядюшка шептал мне на ухо:
— Твоя правда, но ведь все эти принцы, сами того не подозревая, служат нашим целям.
— А вы — их целям, не так ли?
И я добавлял в душе: «Стадо ослов!»
Надо было видеть, как дядюшка Состен угощал обедом какого-нибудь франкмасона.
Они встречались и протягивали друг другу руки с уморительно таинственным видом; каждому ясно было, что они обменивались таинственными, многозначительными рукопожатиями. Когда я хотел взбесить дядюшку, мне стояло только напомнить ему, что собаки знакомятся друг с другом совсем на масонский манер.
Затем дядюшка увлекал своего приятеля в укромный уголок, точно хотел ему сообщить важные новости, а за столом, сидя друг против друга, они уже как-то по-особенному смотрели, переглядывались и когда пили, обменивались загадочными взглядами, как будто беспрестанно повторяли: «Мы-то понимаем друг друга!»
И подумать только, что миллионы людей забавляются подобным кривляньем! Нет, уж я бы предпочел быть иезуитом.
И вот в нашем городишке жил один старый иезуит, который был до последней степени противен дяде Состену. Всякий раз как дядюшка встречал его или только еще замечал издали, он уже шипел: «У, гадина!» Затем, взяв меня за руку, шептал на ухо:
— Вот увидишь, напакостит мне когда-нибудь этот негодяй! Чует мое сердце!
Дядюшка оказался прав. Случилось это по моей вине и вот при каких обстоятельствах.

Приближалась страстная неделя. И вдруг дядюшке взбрело на ум устроить скоромный обед в страстную пятницу, ну самый настоящий, скоромный обед с сосисками, с кровяной и мозговой колбасой. Я отговаривал его, сколько мог, и твердил:

— Я буду есть скоромное в этот день, как и в любой другой, но только у себя дома и наедине. Ваша выходка глупа! Ну, к чему она? Если люди не едят мясного, вам-то какая печаль?

Но дядюшка поставил на своем. Он пригласил трех своих приятелей в лучший ресторан города, и так как за обед платил он, то и я не отказался от участия в демонстрации.

В четыре часа мы уже собрались на видном месте в излюбленном публикой кафе «Пенелопа», и дядюшка Состен во всеуслышание провозгласил меню заказанного обеда.

В шесть часов сели за стол. В десять обед еще продолжался, и мы уже выпили впятером восемнадцать бутылок доброго вина да четыре бутылки шампанского. И вот тогда дядюшка предложил так называемый «объезд по епархии». Каждый ставит перед собою в ряд шесть рюмок, наполненных различными ликерами, и нужно успеть осушить их одну за другой, пока кто-нибудь из собутыльников считает до двадцати. Это было глупо, но дядюшка Состен находил это «подходящим к случаю».

В одиннадцать часов он был пьян как стелька. Его пришлось отвезти в экипаже, уложить в постель, и можно было заранее предположить, что его антиклерикальная демонстрация обернется ужаснейшим расстройством желудка.

Когда я возвращался домой, тоже захмелев, но только веселым хмелем, мне пришла в голову макиавеллиевская мысль, отвечавшая моей скептической натуре.

Я поправил галстук, состроил похоронную физиономию и принялся с остервенением звонить к старому иезуиту. Он был глух, и мне пришлось-таки подождать. Но я столь нещадно колотил ногами в дверь, сотрясая весь дом, что иезуит показался наконец в ночном колпаке у окна и спросил:

— Что случилось?

Я крикнул:

— Скорей, скорей, преподобный отец, отворите дверь: тяжело больной просит вашего святого напутствия.

Бедняга поспешно натянул брюки и сошел вниз, даже не надев рясы. Я рассказал ему срывающимся голосом, что моего дядюшку-вольнодумца внезапно постигло ужасное недомогание, заставляющее предполагать чрезвычайно опасную болезнь, что он крайне боится смерти и хотел бы повидать преподобного отца, побеседовать с ним, услышать от него советы, ближе ознакомиться с христианским учением, приобщиться к церкви и, конечно, исповедаться и причаститься, чтобы в мире душевном перейти роковой предел.

И я прибавил вызывающим тоном:

— Таково его желание. Если от этого ему не станет лучше, то, во всяком случае, и хуже не будет.

Старый иезуит, смущенный, обрадованный, весь дрожа, сказал: «Подождите минутку, дитя мое, я сейчас вернусь». Но я прибавил:

— Простите, преподобный отец, я не могу вас сопровождать, мне не позволяют убеждения. Я даже отказывался идти за вами, поэтому прошу вас не говорить обо мне; скажите, что о болезни моего дяди вам было ниспослано откровение свыше.

Старикашка согласился и быстрыми шагами направился звонить к дяде Состену. Служанка, ухаживавшая за больным, тотчас же открыла ему дверь, и я увидел, как черная ряса скрылась в этой твердыне свободомыслия.

Я спрятался в воротах соседнего дома — поглядеть, как развернутся события. Будь дядюшка здоров, он уложил бы иезуита на месте, но я ведь знал, что он не в состоянии даже пальцем пошевельнуть; и я забавлялся всласть, спрашивая себя, что же за невероятная сцена разыграется сейчас между двумя идейными противниками? Будет ли это схватка? Будет ли перепалка? Растерянность? Суматоха? И как разрешится это безвыходное положение, трагически осложненное негодованием дядюшки?

Я хохотал до упаду, повторяя вполголоса:

— Вот это штука так штука!

Однако становилось холодно, и я удивился, что иезуит как-то уж очень долго не выходит. Я решил: «Объясняются».

Прошел час, затем два, затем три. Преподобный отец не появлялся. Что случилось? Не умер ли дядюшка от потрясения при

виде его? Или, чего доброго, укокошил иезуита? Или они пожрали друг друга? Последнее предположение показалось мне маловероятным. В эту минуту дядюшка едва ли был в силах проглотить хотя бы еще кусочек.

Рассвело.

В сильном беспокойстве, не решаясь зайти к дядюшке, я вспомнил, что как раз напротив него живет один из моих друзей. Я зашел к нему, рассказал о происшествии, которое удивило и рассмешило его, а затем занял наблюдательный пост у окна.

В девять часов утра меня сменил мой друг, и я немного соснул. В два часа я сменил его на посту. Мы были сильно встревожены.

В шесть часов иезуит вышел, спокойный и довольный, и мы видели, как он не спеша удалился.

Тогда я смущенно и робко позвонил у дверей дяди. Мне открыла служанка. Я не решился расспрашивать ее и молча поднялся наверх.

Дядюшка Состен, бледный, изнуренный, совершенно подавленный, недвижимо лежал на постели, глядя в одну точку тусклым взором. К пологу кровати был приколот маленький образок.

Расстройство желудка явственно чувствовалось в комнате.

— Вы слегли, дядя? Нездоровится? — спросил я.

Он ответил упавшим голосом:

— Ох, дитя мое, я совсем расхворался, чуть не умер.

— Как же это, дядя?

— Не знаю; это прямо удивительно. Но всего замечательнее то, что отец иезуит, только что ушедший, — знаешь, этот достойный человек, которого я раньше терпеть не мог, — явился навестить меня, потому что ему было откровение о моей болезни.

Я чуть не прыснул со смеху.

— О, неужели?

— Да, он пришел ко мне. Он слышал голос, который повелел ему встать и идти ко мне, потому что я умираю. Это было откровение.

Чтобы не расхохотаться, я сделал вид, будто чихаю. Мне хотелось кататься по полу.

Спустя минуту, несмотря на душивший меня смех, я уже говорил возмущенным тоном:

— И вы приняли его, дядя? Вы, вольнодумец, масон? Вы не выставили его за дверь?
Он, казалось, смутился и пробормотал:
— Но пойми же, это удивительно, этот перст божий! И к тому же он заговорил о моем отце. Он знавал его.
— Вашего отца, дядя?
— Да, представь себе, он знал моего отца.
— Но это еще не повод, чтобы принимать иезуита.
— Согласен, но я был болен, очень болен. А он так самоотверженно ухаживал за мною всю ночь. Это само совершенство! Спасением своим я обязан ему. Ведь эти люди разбираются в медицине.
— Ага, он ухаживал за вами всю ночь. Но вы ведь сказали, что он только что ушел.
— Да, правда. Он выказал столько внимания ко мне, что я пригласил его позавтракать. Пока я пил чай, он поел тут же, за маленьким столиком, подле моей кровати.
— И… он оскоромился?
Дядюшку передернуло, как будто я сказал что-то страшно неприличное, и он прибавил:
— Не смейся, Гастон, бывают шутки неуместные. В данном случае этот человек отнесся ко мне сердечнее всякого родственника; я требую, чтоб уважали его убеждения.
Я был прямо-таки потрясен, но все же продолжал:
— Прекрасно, дядюшка. А что вы делали после завтрака?
— Мы сыграли партию в безик, потом он читал требник, а я просматривал книжечку, которую он принес с собой. Знаешь, совсем не плохо написана.
— Благочестивого содержания, дядюшка?
— И да и нет, вернее, нет; это история их миссии в Центральной Африке. Скорее описание путешествий и приключений. Эти люди сделали там много хорошего.
Я начал понимать, что шутка приняла дурной оборот. Я встал:
— Ну, так прощайте, дядюшка; я вижу, вы изменяете франкмасонству ради религии. Вы ренегат.
Он снова слегка смутился и пробормотал:
— Но ведь религия — тоже своего рода франкмасонство.

— Когда же вернется ваш иезуит? — спросил я.
Дядюшка пролепетал:
— Я… не знаю, может быть, завтра… не знаю наверное.
Я вышел совершенно ошеломленный.
Плохо же кончилась моя шутка! Дядюшка окончательно обратился. До сих пор это меня мало трогало. Клерикал он или франкмасон, мне от этого ни тепло, ни холодно, но беда в том, что недавно он составил завещание, да, милостивый государь, завещание в пользу отца иезуита и лишил меня наследства.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 12 августа 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Поль Жинисти (1855 — 1934) — французский театральный критик, драматург и историк театра; в 1884 году Мопассан написал предисловие к его сборнику новелл «Любовь втроем».

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994
Перевод М.Казас. Hekaýalar